

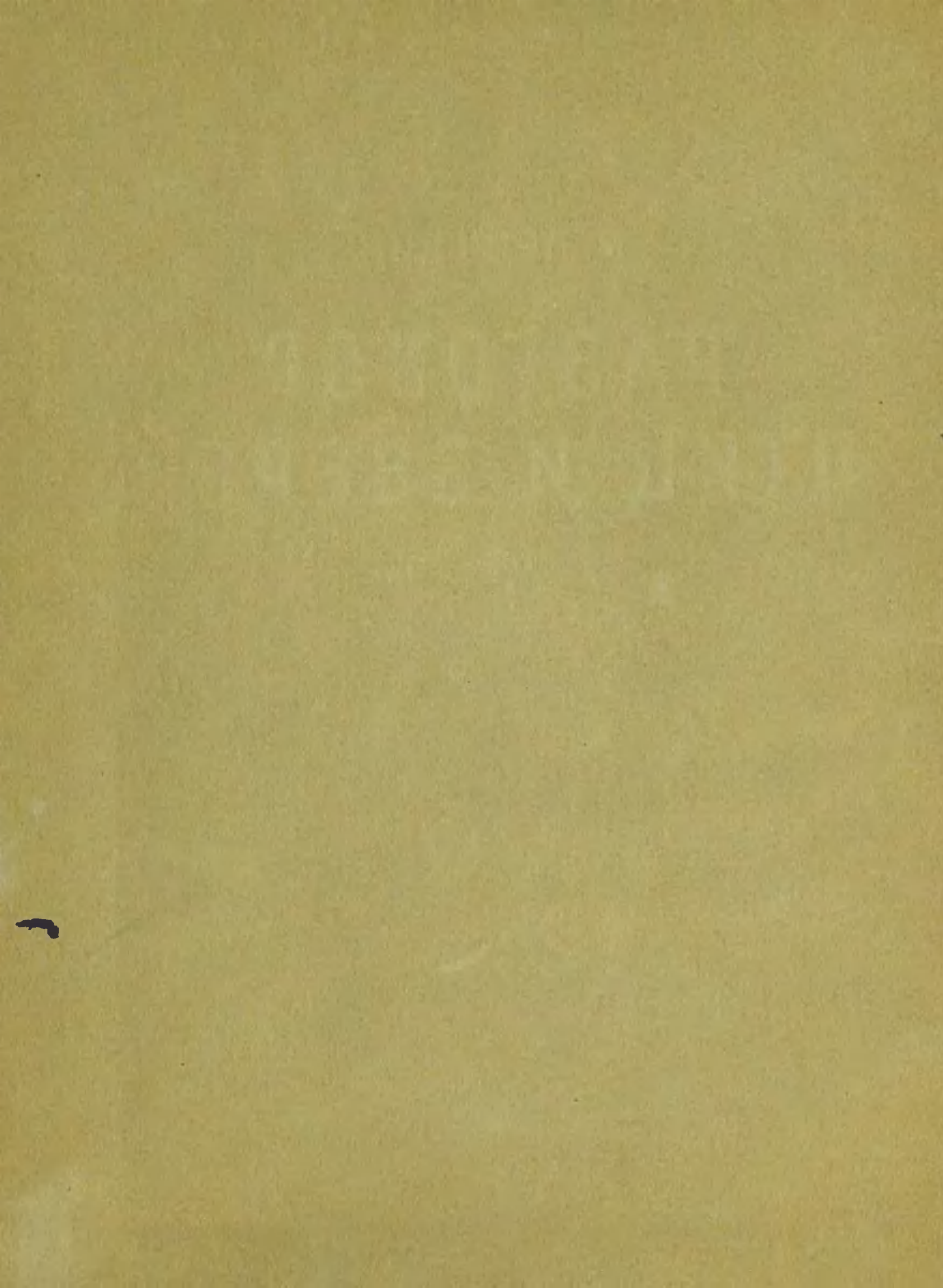
М. ПРИШВИН

РАЗГОВОР ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

ДЕТГИЗ 1949

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

П-77

П-77

М. ПРИШВИН

РАЗГОВОР ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

~~33055~~
~~24554~~

РИСУНКИ
Е. РАЧЕВА

77

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

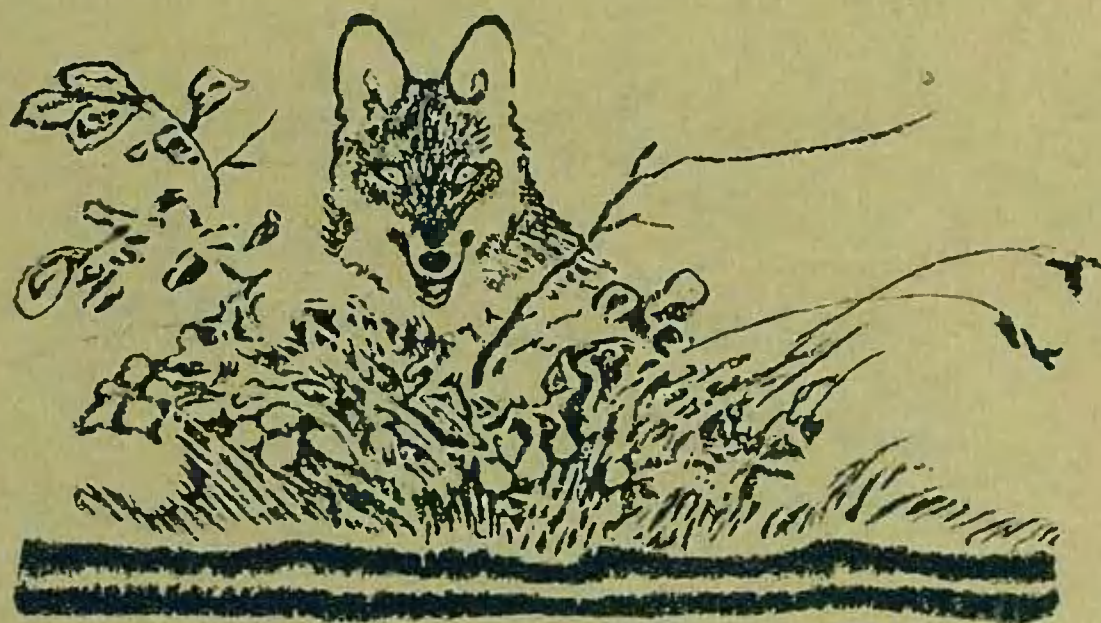
Москва 1949 Ленинград

9

~~19912~~ 8873

695 271 кб рсд

Российская государственная
детская библиотека

ЛИСИЧКИН
ХЛЕБЪ

ЛИСИЧЬИ ХЛЕБ

днажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял я с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки

осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей — что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка, и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста.

И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес — голодно, а возьму — забуду съесть и назад принесу.

А Зиночка, когда увидела у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья...

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть:

— Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

В одном болоте на кочке под ивой вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе¹. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли себе дальше по коровьей тропе.

Подержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми. После из серых один вышел красавец разноцветный селезень и две уточки, Дуся и Муся. Мы им

крылья подрезали, чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, и на них гнёзда. Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высиживать утят. Муся положила четырнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пустая голова не захотела быть матерью. И мы посадили на утиные яйца нашу важную чёрную курицу — Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца, ухаживали. Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода, и Дуся повела своих чёрненьких к пруду, и Пиковая Дама своих — в огород за червями.

— Свись-свись! — утята в пруду.

— Кряк-кряк! — отвечает им утка.

— Свись-свись! — утята в огороде.

— Квох-квох! — отвечает им курица.

Утята, конечно, не могут понять, что значит «квох-квох», а что слышится с пруда, это им хорошо известно.

«Свись-свись» — это значит: «свои к своим».

А «кряк-кряк» — значит: «вы — утки, вы — кряквы, скорей плывите».

И они, конечно, глядят туда, к пруду.

— Свои к своим!

И бегут.

— Плывите, плывите!

И плывут.

— Квох-квох! — упирается важная курица на берегу.

Они всё плывут и плывут. Сосвистались, сплылись, радостно приняла их в свою семью Дуся; по Мусе они были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике, и весь день Пиковая Дама, распушённая, сердитая, квохтала, ворчала, копала ногой червей на берегу, старалась привлечь червями утят и квохтала им о том, что уж очень-то много червей, таких хороших червей!

— Дрянь-дрянь! — отвечала ей кряква.

А вечером она всех своих утят провела одной длинной верёвочкой по сухой тропинке. Под самым носом важной птицы прошли они, чёрненькие, с большими утиными носами; ни один даже на такую мать и не поглядел.

Мы всех их собрали в одну высокую корзинку и оставили ночевать в тёплой кухне, возле плиты.

Утром, когда мы ещё спали, Дуся вылезла из корзины, ходила вокруг по полу, кричала, вызывала к себе утят. В тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны. На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в

этой кутерьме мы расслышали отдельно голос одного утёнка.

— Слышите? — спросил я своих ребят.

Они прислушались.

— Слышим! — закричали.

И пошли в кухню.

Там, оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзинки высотой сантиметров в тридцать?

Стали все мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ выбраться из корзины вслед за матерью или же она случайно задела его как-нибудь своим крылом и выбросила? Я перевязал ножку этого утёнка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, мы — в кухню.

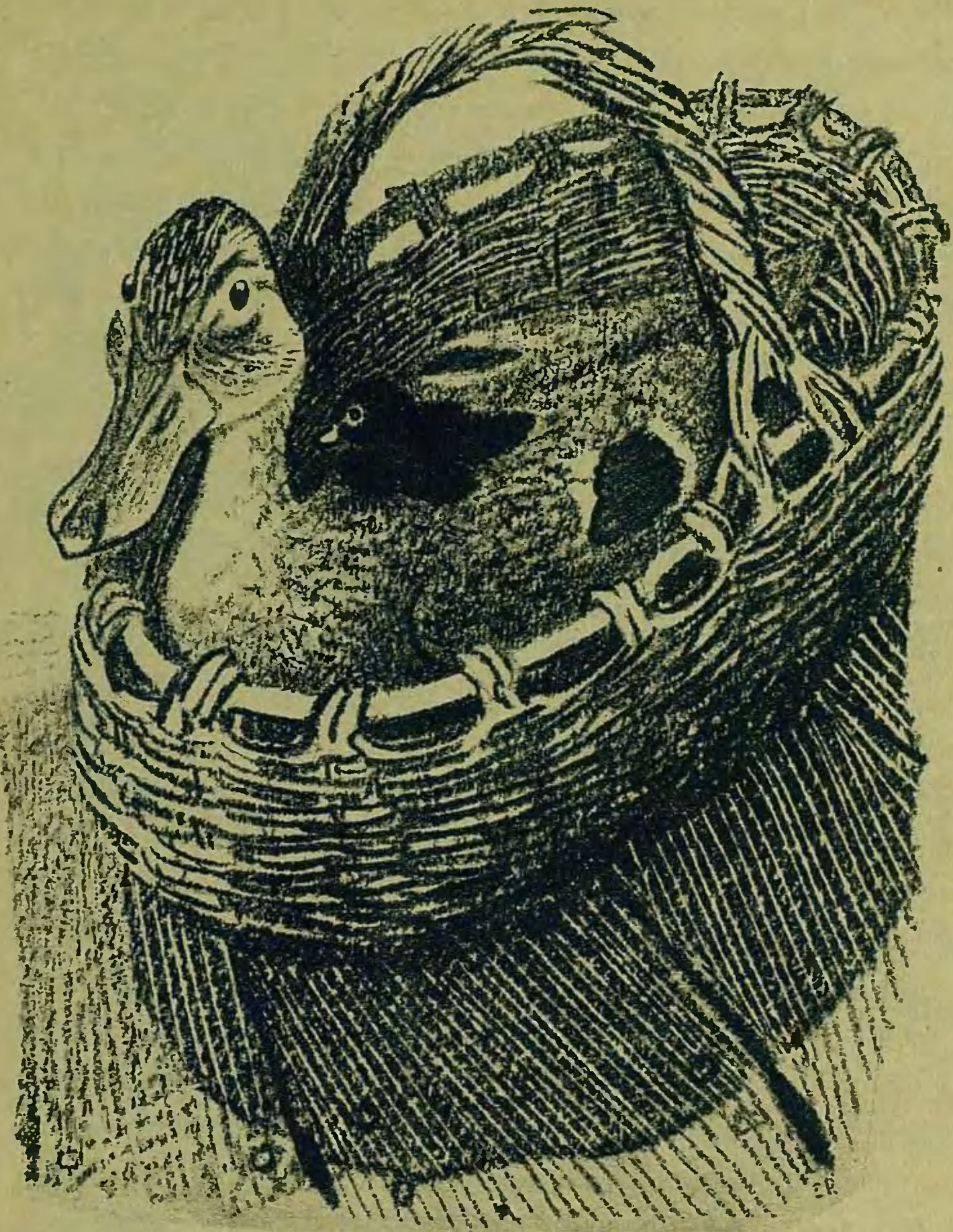
На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключённые в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался.

Я сказал:

— Он что-то придумал.

— Он изобретатель! — крикнул Лёва.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую задачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята мои и утята спали непробудным² сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

— Кряк-кряк! — проговорила Дуся.

— Свись-свись! — ответил единственный утёнок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утята.

Раздался гудок на фабрике. Свету прибавилось.

— Кряк-кряк! — повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда — сейчас, наверно, он и решает свою труднейшую задачу. И я включил свет.

Ну, так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова её ещё была вровень с краем корзины. Все утята спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину. Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утёнок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось

сразу три утёнка, потом пять, и пошло и пошло: чуть только крикнет утром Дуся, все утята к ней на спину и потом валяются вниз.

А первого утёнка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

Ё Ж

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел

писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал итти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажѣг лампу, и ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна и облако, а ноги мои были, как стволы деревьев, и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задник у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешѣл в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажѣг свечку и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати — и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была, как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу — луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой, и то налью воды в тарелку, то опять волюю в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк поблёскивает.

— Ну, иди, иди... — говорю. — Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется — и я двину, да так и сошлись.

— Пей, — говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

— Давай спать.

Лёг и задул свечу.

Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу — и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит — на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я за ним.

«Серёжа!» позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь

24751

золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг — золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

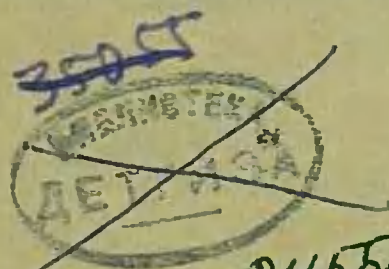
С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

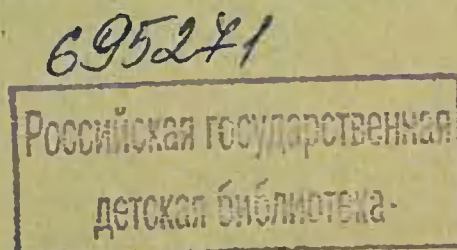
КУРИЦА НА СТОЛБАХ

8498

Весной соседи подарили нам четыре гусиных яйца, и мы подложили их в гнездо нашей чёрной курицы, прозванной Пиковой Дамой. Прошли положенные дни для высиживания, и Пиковая Дама вывела четырёх жёлтеньких гуськов. Они пищали, посвистывали совсем по-иному, чем цыплята, но Пиковая Дама, важная, нахохленная, не хотела ничего замечать и относилась

17

к гусятам с той же материнской заботливостью, как к цыплятам.

Прошла весна, настало лето, везде показались одуванчики. Молодые гуськи, если шеи вытянут, становятся чуть ли не выше матери, но всё ещё ходят за ней. Бывает, однако, мать раскапывает лапками землю и зовёт гуськов, а они занимаются одуванчиками, тукают их носами и пускают пушинки по ветру. Тогда Пиковая Дама начинает поглядывать в их сторону, как нам кажется, с некоторой долей подозрения. Бывает, часами, распушённая, с квохтаньем, копает она, а им хоть бы что: только посвистывают и поклёвывают зелёную травку. Бывает, собака захочет пройти куда-нибудь мимо неё, — куда тут! Кинется на собаку и прогонит. А после и поглядит на гуськов, задумчиво поглядит...

Мы стали следить за курицей и ждать такого события, после которого наконец она догадается, что дети её вовсе даже на кур не похожи и не стоит из-за них, рискуя жизнью, бросаться на собак.

И вот однажды у нас на дворе событие это случилось. Пришёл насыщенный ароматом цветов солнечный июньский день. Вдруг солнце померкло, и петух закричал.

— Квох, квох! — ответила петуху курица, зазывая своих гусят под навес.

— Батюшки, туча-то какая находит! — закричали хозяйки и бросились спасать развешанное бельё.

Грянул гром, сверкнула молния.

— Квох, квох! — настаивала курица Пиковая Дама.

И молодые гуси, подняв высоко шеи свои, как четыре столба, пошли за курицей под навес. Удивительно нам было смотреть, как по приказанию курицы четыре порядочных³, высоких, как сама курица, гусёнка сложились в маленькие штучки, подлезли под наседку и она, распушив перья, распластав крылья над ними, укрыла их и угрела своим материнским теплом.

Но гроза была недолгая.

Туча пролилась, ушла, и солнце снова засияло над нашим маленьким садом.

Когда с крыш перестало литься и запели разные птички, это услышали гусята под курицей, и им, молодым, конечно, захотелось на волю.

— На волю, на волю! — засвистали они.

— Квох, квох! — ответила курица.

И это значило:

— Посидите немного, ещё очень свежо.

— Вот ещё! — свистели гусята. — На волю, на волю!

И вдруг поднялись на ногах и подняли шеи, и курица поднялась, как на четырёх столбах, и закачалась в воздухе высоко от земли.

Вот с этого разу всё и кончилось у Пиковой Дамы с гусями: она стала ходить отдельно, и гуси отдельно; видно, тут только она всё поняла, и во второй раз ей уже не захотелось попасть на столбы.

ЛУЧЕНЬЕ РЫБЫ

В конце сентября вода в Кубре стала прозрачная, и теперь всё видно на всей глубине. Видно, как лилия взялась расти и тонким стеблём своим потянулась вверх. Стебель — как зелёная верёвка: ни одного листика, а как дошла доверху, на воде раскинула листы, как блюда. Теперь эти листы пожелтели.

— Видела ли, Зиночка, — спросил я, — как рыба спит?

— Не видела, — ответила Зиночка.

— Не видела? Ну, вот вечером сегодня я тебе покажу. И, может быть, ещё сегодня мы с тобой свежей рыбки попробуем. Тебе хочется?

— Судачка бы...

— Посчастливится, попробуем с тобой и судачка.

Мы с Зиночкой идём в сарай. Там из-под всякогохлама я достаю железное приспособление для лученья рыбы и рассказываю, для чего нужна эта коза: положат дрова на козу и поставят на носу лодки, зажгут дрова, и коза тогда — как подсвечник. Широко, от берега до берега, осветится наша Кубря, и глубоко будет видно, до самого дна.

— Это, — сказал я, — называется у рыбаков ездить с лучом, или просто лучить. На что только луч ни ляжет, всё ночью станет красиво.

— А ещё что?

— Смотрит человек в воду, держит острогу ⁴ наготове. Вот он увидел: в воде рыба стоит. Человек быстро двинул острогой, ударил в рыбу, вынимает — и на зубцах бьётся сверкающая в лучах большая рыба...

Вечером мы с Зиной вытащили двух судаков, и дома я её угостил свежей рыбкой.

ГОВОРЯЩИЙ ГРАЧ

Расскажу случай, какой был со мной в голодном году. Поводился ко мне на подоконник летать желторотый молодой грачонок. Видно, сирота был. А у меня в то время хранился целый мешок гречневой крупы, — я и питался всё время гречневой кашей. Вот бывало прилетит грачонок, я посыплю ему крупы и спрашиваю:

— Кашки хочешь, дурашка?

Поклюёт и улетит. И так каждый день, весь месяц. Хочу я добиться, чтобы на вопрос мой: «Кашки хочешь, дурашка?» он сказал бы: «Хочу».

А он только жёлтый нос откроет и красный язык показывает.

— Ну, ладно! — рассердился я и забросил ученье.

К осени случилась со мной беда: полез я за крупой в сундук, а там нет ничего. Вот как воры обчистили — половина огурца была на тарелке, и ту унесли! Лёг я спать голодный. Всю ночь вертелся. Утром в зеркало посмотрел — лицо всё зелёное стало.

Стук, стук! — кто-то в окошко.

На подоконнике грач долбит в стекло.

«Вот и мясо!» явилась у меня мысль.

Открываю окно — и хватать его! А он — прыг от меня на дерево. Я — в окно за ним, к сучку. Он повыше. Я лезу. Он выше — и на самую макушку. Я туда не могу — очень качается. Он же, шельмец, смотрит на меня сверху и говорит:

— Хо-чешь каш-ки, ду-ра-шка?

ЯРИК

ЯРИК

а вырубке вокруг старых чёрных пней было множество высоких, ёлочкой, красных цветов, и от них вся вырубка казалась красной, хотя гораздо больше тут было иван-да-марьи — цветов наполовину синих, наполовину жёлтых. Во множестве тут были тоже и белые ромашки, звонцы, синие колокольчики, лиловое кукушкино платье, — каких-каких цветов не было! Но от красных ёлочек, казалось, вся вырубка была красная. А возле чёрных пней можно было ещё найти переспелую

и очень сладкую землянику. Летним временем дождик совсем не мешает, я пересидел его под ёлкой; сюда же, в сухое место, собрались от дождя комары, и как ни дымил я на них из своей трубки, собаку мою Ярика они очень мучили. Пришлось развести грудок, как у нас называют костёр. Дым от еловых шишек повалил очень густой, и скоро мы выжили комаров и выгнали их на дождик. Но не успели мы с комарами расправиться, дождик перестал. Летний дождик — одно только удовольствие.

Пришлось всё-таки под ёлкой просидеть ещё с полчаса и дожждаться, пока птицы выйдут кормиться и дадут по росе свежие следы.

Так мы вышли на красную вырубку, и, сказав: «Ищи, друг!», я пустил своего Ярика.

Часто я с завистью смотрю на нос своего Ярика и думаю: «Вот если бы мне такой аппарат, вот побежал бы я на ветерок по цветущей красной вырубке и ловил бы и ловил интересные мне запахи!»

— Ну, ищи же, приятель! — повторил я своему другу.

И он пустился кругами по красной вырубке.

Скоро на опушке Ярик остановился под деревьями, крепко обнюхал место, искоса очень серьёзно посмотрев на меня, пригласил следовать: мы понимаем друг друга без слов. Он повёл меня за собой очень медленно, сам же подогнул ноги, снизился и очень стал похож на лисицу.

Так мы пришли к густой заросли, в которую пролезть

мог только Ярик; но одного его пустить туда я бы не решился. Один, он мог увлечься птицами, кинуться на них, мокрых от дождя, и погубить все мои труды по обучению. С сожалением хотел было я его отозвать, но вдруг он вильнул своим великолепным, похожим на крыло хвостом, взглянул на меня. Я понял — он говорил:

— Они тут ночевали, а кормились на поляне.

— Как же быть? — спросил я.

Он понюхал цветы: следов не было. И всё стало понятно: дождик смыл все следы, а те, по которым мы шли, сохранились, потому что были под деревьями. Оставалось сделать новый круг. Но Ярик и полкруга не сделал — остановился возле небольшого, но очень густого куста. Запах тетеревов пахнул ему на всём ходу, и потому он стал в очень странной позе, весь кольцом изогнулся и, если бы хотел, мог во всё удовольствие любоваться своим великолепным хвостом. Я поспешил к нему, огладил и шопотом сказал:

— Иди, если можно!

Он распрямился, попробовал шагнуть вперёд, и это оказалось возможно, только очень тихо. Так, обойдя весь куст кругом, он дал мне понять:

— Они тут были во время дождя.

И уже по самому свежему следу повёл, касаясь своими длинными волосами на хвосте самой земли.

Вероятно, они слышали нас и тоже пошли вперёд, — я это понял по Ярику; он мне по-своему доложил:

— Идут впереди нас и очень близко.

Они все вошли в большой куст можжевельника, и тут Ярик сделал свою последнюю, мёртвую стойку. До сих пор ему ещё можно было время от времени раскрывать рот, выпуская свой длинный розовый язык; теперь же челюсти были крепко стиснуты, и только маленький кончик языка, не успевший во-время убраться в рот, торчал из-под губы, как розовый лепесток. Комар сел на розовый кончик, впился, стал наливаясь, и видно было, как тёмнокоричневый, словно клеёнчатый, кончик носа Ярика волновался от боли и танцевал от запаха, но убрать язык было невозможно: если открыть рот, то оттуда может сильно хахнуть и птиц испугать.

Но я не так волновался, как Ярик, осторожно подошёл, ловким щелчком скинул комара и полюбовался на Ярика сбоку: он стоял с вытянутым в линию спины хвостом-крылом, а зато в глазах собралась в двух точках вся жизнь.

Тихонько я обошёл куст и стал против Ярика, чтобы птицы не улетели за куст невидимо, а поднялись вверх.

Мы довольно долго так стояли, и, конечно, они в кусту хорошо знали, что мы стоим с двух сторон. Я сделал шаг к кусту и услышал голос тетеревиной матки. Она квохнула и этим сказала детям:

— Лечу, посмотрю, а вы пока посидите.

И со страшным треском вылетела.

Если бы она полетела на меня, то Ярик не тронулся бы.

и если бы даже просто пролетела над ним, он не забыл бы, что главная добыча сидит в кусту и какое это страшное преступление бежать за вылетевшей птицей. Но большая серая, почти с курицу, птица вдруг кувыркнулась в воздухе, подлетела почти к самому Ярикову носу и над самой землёй тихонечко полетела, маня его криком:

— Догоняй же, я летать не умею!

И, как убитая, в десяти шагах упала на траву и по ней побежала, шевеля высокие красные цветы.

Этого Ярик не выдержал и, забыв годы моей науки, ринулся...

Фокус удался. Она отманила зверя от выводка⁵ и, крикнув в кусты детям: «Летите, летите все в разные стороны!», сама вдруг взмыла⁶ над лесом и была такова. Молодые тетерева разлетелись в разные стороны, и, наверно, слышалось издали Ярику:

— Дурак! Дурак!

— Назад! — крикнул я своему одураченному другу.

Он опомнился и, виноватый, медленно стал подходить. Особенным, жалким голосом я спрашиваю:

— Что ты сделал?

Он лёг.

— Ну, иди же, иди!

Ползёт виноватый, кладёт мне на коленку голову, очень просит простить.

— Ладно, — говорю я, усаживаясь в куст, — лезь за

мною, сиди смирно. Мы сейчас с тобой одурачим всю эту публику.

Минут через десять я тихонько свищу, как тетеревята:

— Фиу, фиу!

Значит: «Где ты, мама?»

— Квох, квох! — отвечает она

И это значит: «Иду!»

Тогда с разных сторон засвистело, как я:

— Где ты, мама?

— Иду, иду! — всем отвечает она.

Один цыплёнок свистит очень близко от меня. Я ему отвечаю. Он бежит, и вот я вижу — у меня возле самой коленки шевелится трава.

Посмотрев Ярику в глаза, погрозив ему кулаком, я быстро накрываю ладонью шевелящееся место и вытаскиваю серого, величиною с голубя, цыплёнка.

— Ну, понюхай, — тихонько говорю Ярику.

Он отвёртывает нос: боится не удержаться и схватить цыплёнка.

— Нет, брат, нет, — жалким голосом прошу я, — понюхай-ка.

Нюхает, а сам — как паровоз.

Самое сильное наказание.

Вот теперь я уже смело свищу и знаю — непременно прибежит ко мне матка, всех соберёт, одного нехватит, и прибежит за последним.

Их всех, кроме моего, семь. Слышу, как один за другим, отыскав матку, смолкают, и когда все семь смолкли, я, восьмой, спрашиваю:

— Где ты, мама?

— Иди к нам! — отвечает она.

— Фиу, фиу! («Нет, ты веди всех ко мне».)

Идёт, бежит. Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высовывается её шея, а за ней везде шевелит траву и весь её выводок. Все они сидят от меня в двух шагах. Теперь я говорю Ярику глазами:

— Ну, не будь дураком!

И пускаю своего тетеревёнка. Он хлопает крыльями о куст, и все хлопают, все вздымаются. А мы из кустов с Яриком смотрим вслед улетающим и смеёмся:

— Вот как мы вас одурачили, друзья!

УЖАСНАЯ ВСТРЕЧА

Это известно всем охотникам, как трудно выучить собаку не гоняться за зверями, кошками и зайцами, а разыскивать только птицу.

Однажды во время моего урока Ромке мы вышли на полянку. На ту же полянку вышел тигровый кот. Ромка был с левой руки от меня, а кот — с правой, и так произошла

эта ужасная встреча. В одно мгновение кот обернулся, пустился наутёк, а за ним ринулся Ромка. Я не успел ни свистнуть, ни крикнуть «нельзя».

Вокруг на большом пространстве не было ни одного дерева, на которое кот мог бы взобраться и спастись от собаки, — кусты и полянки без конца. Я иду медленно, как черепаха, разбирая следы Ромкиных лап на влажной земле, на грязи, по краям луж и на песке ручьев. Много перешёл я полянок, мокрых и сухих, перебрёл два ручейка, два болотца, и наконец вдруг всё открылось: Ромка стоит на поляне неподвижный, с налитыми кровью глазами; против него, очень близко, — тигровый кот; спина горбом, хвост медленно поднимается и опускается. Нетрудно мне было догадаться, о чём они думали.

Тигровый кот говорит:

— Ты, конечно, можешь на меня броситься, но помни, собака, за меня тигры стоят! Попробуй-ка сунься, пёс, и я покажу тебе, что такое тигр.

Ромку же я понимал так:

— Знаю, мышатница, что ты покажешь мне тигра, а всё-таки я тебя разорву пополам! Вот только позволь мне ещё немного подумать, как лучше бы взять тебя.

Думал и я:

«Ежели мне к ним подойти, кот пустится наутёк⁷, за ним пустится и Ромка. Если попробовать Ромку позвать...»

Долго раздумывать, однако, было мне некогда. Я решил начать усмирение зверей с разговора по-хорошему. Самым нежным голосом, как дома в комнате во время нашей игры, я назвал Ромку по имени и отчеству:

— Роман Василич!

Он покосился. Кот завыл.

Тогда я крикнул твёрже:

— Роман, не дури!

Ромка оробел и сильнее покосился. Кот сильнее про-
выл.

Я воспользовался моментом, когда Ромка покосился, успел поднять руку над своей головой и так сделать, будто рублю головы и ему и коту. Увидев это, Ромка подался назад, а кот, полагая, будто Ромка струсил, и втайне, конечно, радуясь этому, провыл с переливом обыкновенную котовую победную песню. Это задело самолюбие Ромки. Он, пятась задом, вдруг остановился и посмотрел на меня, спрашивая:

— Не дать ли ему?

Тогда я ещё раз рукой в воздухе отрубил ему голову и во всё горло выкрикнул бесповоротное своё решение:

— Нельзя!

Он подался ещё к кустам, обходом явился ко мне. Так я сломил дикую волю собаки.

А кот убежал.

ЗВЕРЬ БУРУНДУК

Можно легко понять, для чего у пятнистого оленя на шкуре его везде рассыпаны частые белые пятнышки.

Раз я на Дальнем Востоке шёл очень тихо по тропинке и, сам не зная того, остановился возле притаившихся оленей. Они надеялись, что я не замечу их под деревьями с широкими листьями, в густой траве. Но, случилось, олений клещ больно укусил маленького телёнка; он дрогнул, трава качнулась, и я увидел его и всех. Тут-то вот я и понял, почему у оленей пятна. День был солнечный, и в лесу на траве были «зайчики» — точно такие же, как у оленей и ланей. С такими «зайчиками» легче затаиться. Но долго я не мог понять, почему у оленя назади возле хвоста большой белый кружок, вроде салфетки, а если олень испугается и бросится бежать, то эта салфетка становится ещё шире, ещё много заметнее. Для чего оленю эти салфетки? Думал я об этом и вот как догадался.

Однажды мы поймали диких оленей и стали их кормить в домашнем питомнике бобами и кукурузой. Зимой, когда в тайге с таким трудом оленю достаётся корм, они ели у

нас готовое и самое любимое, самое вкусное в питомнике блюдо. И они до того привыкли, что, как завидят у нас мешок с бобами, бегут к нам и толпятся возле корыта. И так жадно суют морды и спешат, что бобы и кукуруза часто падают из корыта на землю. Голуби это уже заметили — прилетают клевать зёрна под самыми копытами оленей. То же прибегают собирать падающие бобы бурундуки, эти небольшие, совсем похожие на белку полосатые прехорошенькие зверьки. Трудно передать, до чего ж пугливы эти пятнистые олени и что только может им представиться. В особенности же пуглива у нас была самка, наша красавица Хуа-Лу.

Случилось раз, она ела бобы в корыте рядом с другими оленями. Бобы падали на землю, голуби и бурундуки бегали возле самых копыт оленей. Вот Хуа-Лу нечаянно наступила копытцем на пушистый хвост одного зверька, и этот бурундук в ответ впился в ногу оленя. Хуа-Лу вздрогнула, глянула вниз, и ей, наверно, бурундук представился чем-то ужасным. Как она бросится! И за ней разом все на забор, и — бух! — забор наш повалился. Маленький зверёк бурундук, конечно, сразу отвалился, но для испуганной Хуа-Лу теперь за ней бежал, нёсся по её следам не маленький, а огромный зверь бурундук. Другие олени её понимали по-своему и вслед за ней стремительно неслись. И все бы эти олени убежали и весь наш большой труд пропал бы, но у нас была немецкая овчарка Тайга, хорошо приученная к

этим оленям. Мы пустили вслед за ними Тайгу. В безумном страхе неслись олени, и, конечно, они думали, что не собака за ними бежит, а всё тот же страшный, огромный зверище бурундучище.

У многих зверей есть такая повадка, что если их гонят, то они бегут по кругу и возвращаются на то же самое место. Так охотники зайцев гоняют с собаками: заяц почти всегда прибегает на то же самое место, где лежал, и тут его встречает стрелок. И олени так неслись долго по горам и долам и вернулись к тому же самому месту, где им хорошо живётся — и сытно и тепло.

Так вот и вернула нам оленей отличная, умная собака Тайга.

Но я чуть было и не забыл о белых салфетках, из-за чего я завёл этот рассказ. Когда Хуа-Лу бросилась через упавший забор и от страха у неё назади белая салфетка стала много шире, много заметней, то в кустах только и видна была одна эта мелькающая белая салфетка. По этому белому пятну бежал за ней другой олень и сам тоже показывал следующему за ним оленю своё белое пятно. Вот тут-то я и догадался впервые, для чего служат эти белые салфетки пятнистым оленям. В тайге ведь не только бурундук — там и волк, и леопард, и сам тигр. Один олень заметит врага, бросится, покажет белое пятнышко и спасает другого, а этот спасает третьего, и все вместе приходят в безопасные места.

БЕЛЫЙ ОЖЕРЁЛОК

Слышал я в Сибири, около озера Байкал, от одного гражданина про медведя и, признаюсь, не поверил. Но он меня уверял, что об этом случае в старое время даже в сибирском журнале было напечатано под заглавием: «Человек с медведем против волков».

Жил на берегу Байкала один сторож, рыбу ловил, белок стрелял. И вот раз будто бы видит в окошко этот сторож — бежит прямо к избе большой медведь, а за ним гонится стая волков. Вот-вот бы и конец медведю... Он, мишка этот, не будь плох, в сени, дверь за ним сама закрылась, а он ещё на неё лапу и сам привалился. Старик, поняв это дело, снял винтовку со стены и говорит:

— Миша, Миша, поддержи!

Волки лезут на дверь, а старик выцеливает волка в окно и повторяет:

— Миша, Миша, поддержи!

Так убил одного волка, и другого, и третьего, всё время приговаривая:

— Миша, Миша, поддержи...

После третьего стая разбежалась, а медведь остался в избе зимовать под охраной старика. Весной же, когда

медведи выходят из своих берлог, старик будто бы надел на этого медведя белый ожерёлок и всем охотникам наказал, чтобы медведя этого — с белым ожерёлком — никто не стрелял: этот медведь — его друг.

СИНИЙ ЛАПОТЬ

Через наш большой лес проводят шоссе с отдельными путями для легковых машин, для грузовиков, для телег и для пешеходов. Сейчас пока для этого шоссе только лес вырубил коридором. Хорошо смотреть вдоль по вырубке: две зелёные стены леса и небо в конце. Когда лес вырубали, то большие деревья куда-то увозили, мелкий же хворост — грачевник⁸ — собирали в огромные кучи. Хотели увезти и грачевник для отопления фабрики, но не управились⁹, и кучи по всей широкой вырубке остались зимовать.

Осенью охотники жаловались, что зайцы куда-то пропали, и некоторые связывали это исчезновение зайцев с вырубкой леса: рубили, стучали, гомонили¹⁰ и распугали. Когда же налетела пороша¹¹ и по следам можно было разгадать все заячьи проделки, пришёл следопыт¹² Родионыч и сказал:

— Синий лапоть весь лежит под кучами грачевника.

Родионыч, в отличие от всех охотников, зайца называл

не «косым чортом», а всегда «синим лаптем»; удивляться тут нечему: ведь на чорта заяц не более похож, чем на лапоть, а если скажут, что синих лаптей не бывает на свете, то я скажу, что ведь и косых чертей тоже не бывает.

Слух о зайцах под кучами мгновенно обежал весь наш городок, и под выходной день охотники во главе с Родионым стали стекаться ко мне.

Рано утром, на самом рассвете, вышли мы на охоту без собак: Родионыч был такой искусник¹³, что лучше всякой гончей мог нагнать зайца на охотника. Как только стало видно настолько, что можно было отличить следы лисьи от заячьих, мы взяли заячий след, пошли по нему, и, конечно, он привёл нас к одной куче грачевника, высокой, как наш деревянный дом с мезонином. Под этой кучей должен был лежать заяц, и мы, приготовив ружья, стали все кругом.

— Давай, — сказали мы Родионычу.

— Вылезай, синий лапоть! — крикнул он и сунул длинной палкой под кучу.

Заяц не выскочил. Родионыч оторопел¹⁴. И, подумав, с очень серьёзным лицом, отглядывая каждую мелочь на снегу, обошёл всю кучу и ещё раз по большому кругу обошёл: нигде не было выходного следа.

— Тут он, — сказал Родионыч уверенно. — Становитесь на места, ребятушки, он тут. Готовы?

— Давай! — крикнули мы.

— Вылезай, синий лапоть! — крикнул Родионыч и трижды пырнул под грачевник такой длинной палкой, что конец её на другой стороне чуть с ног не сбил одного молодого охотника.

И вот — нет, заяц не выскочил!

Такого конфуза¹⁵ с нашим старейшим следопытом ещё в жизни никогда не бывало; он даже в лице как будто немного опал¹⁶. У нас же суета пошла, каждый стал по своему о чём-то догадываться, во всё совать свой нос, туда-сюда ходить по снегу и так, затирая все следы, отнимать всякую возможность разгадать проделку умного зайца.

И вот, вижу, Родионыч вдруг просиял, сел, довольный, на пень поодаль от охотников, свёртывает себе папироску и моргает, вот подмаргивает мне и подзывает к себе.

Смекнув дело, незаметно для всех подхожу к Родионычу, а он мне показывает вверх, на самый верх засыпанной снегом высокой кучи грачевника.

— Гляди, — шепчет он, — синий-то лапоть какую с нами штуку играет.

Не сразу на белом снегу разглядел я две чёрные точки — глаза беляка, и ещё две маленькие точки — чёрные кончики длинных белых ушей. Это голова торчала из-под грачевника и повертывалась в разные стороны за охотниками: куда они, туда и голова.

Стоило мне поднять ружьё — и кончилась бы в одно

мгновение жизнь умного зайца. Но мне стало жалко: мало ли их, глупых, лежит под кучами!..

Родионыч без слов понял меня. Он смял себе из снега плотный комочек, выждал, когда охотники сгрудились на другой стороне кучи, и, хорошо наметившись, этим комочком пустил в зайца.

Никогда я не думал, что наш обыкновенный заяц беляк, если он вдруг встанет на куче, да ещё прыгнет вверх метра на полтора, да объявится на фоне неба, — что наш же заяц может показаться гигантом на огромной скале!

А что стало с охотниками? Заяц ведь прямо к ним с неба упал. В одно мгновение все схватились за ружья — убить-то уж очень было легко. Но каждому охотнику хотелось раньше другого убить, и каждый, конечно, стрельнул, вовсе не целясь, а заяц живёхонький пустился в кусты.

— Вот синий лапоть! — восхищённо сказал ему вслед Родионыч.

Охотники ещё раз успели выстрелить по кустам.

— Убит! — закричал один, молодой, горячий.

Но вдруг, как будто в ответ на «убит», в дальних кустах мелькнул хвостик; этот хвостик охотники почему-то всегда называют ц в е т к о м.

Синий лапоть охотникам из далёких кустов только своим «цветком» помахал.

ЭТАЖИ ЛЕСА

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях — в самом низу; разные птички, вроде соловья, вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды — ещё повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятел, синички, совы — ещё повыше; на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в высоких домах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут. Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает, у берёзы же кора не падает; эта смолистая, белая снаружи кора — береста — сохраняет дерево, и оно, умершее, долго стоит, как живое.

Даже когда и сгниёт дерево и древесина превратится в труху, отяжелённую влагой, с виду белая берёза стоит, как

ER

живая. Но стóбит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и падает.

Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, может здорово ударить тебя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые пушком, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червячков, дали им перекусить, они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители, гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах, сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие, — сказали мы им, — вышло несчастье: мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас!

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спуститься вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся. Давай спрячемся! — И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в высоких домах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же вы дурачки!..

Жалко стало и смешно: такие славные и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором находилось гнездо, сломали верх соседней берёзы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж. Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

ДЯТЕЛ

Видел дятла: короткий — хвостик ведь у него маленький, летел, насадив себе на клюв большую еловую шишку. Он сел на березу, где у него была мастерская для шелушения шишек. Пробежал вверх по стволу с шишкой на клюве до знакомого места. Вдруг видит, что в развилине, где у него защемляются шишки, торчит отработанная и несброшенная шишка и новую шишку некуда девать. И — горе какое! — нечем сбросить старую: клюв-то занят.

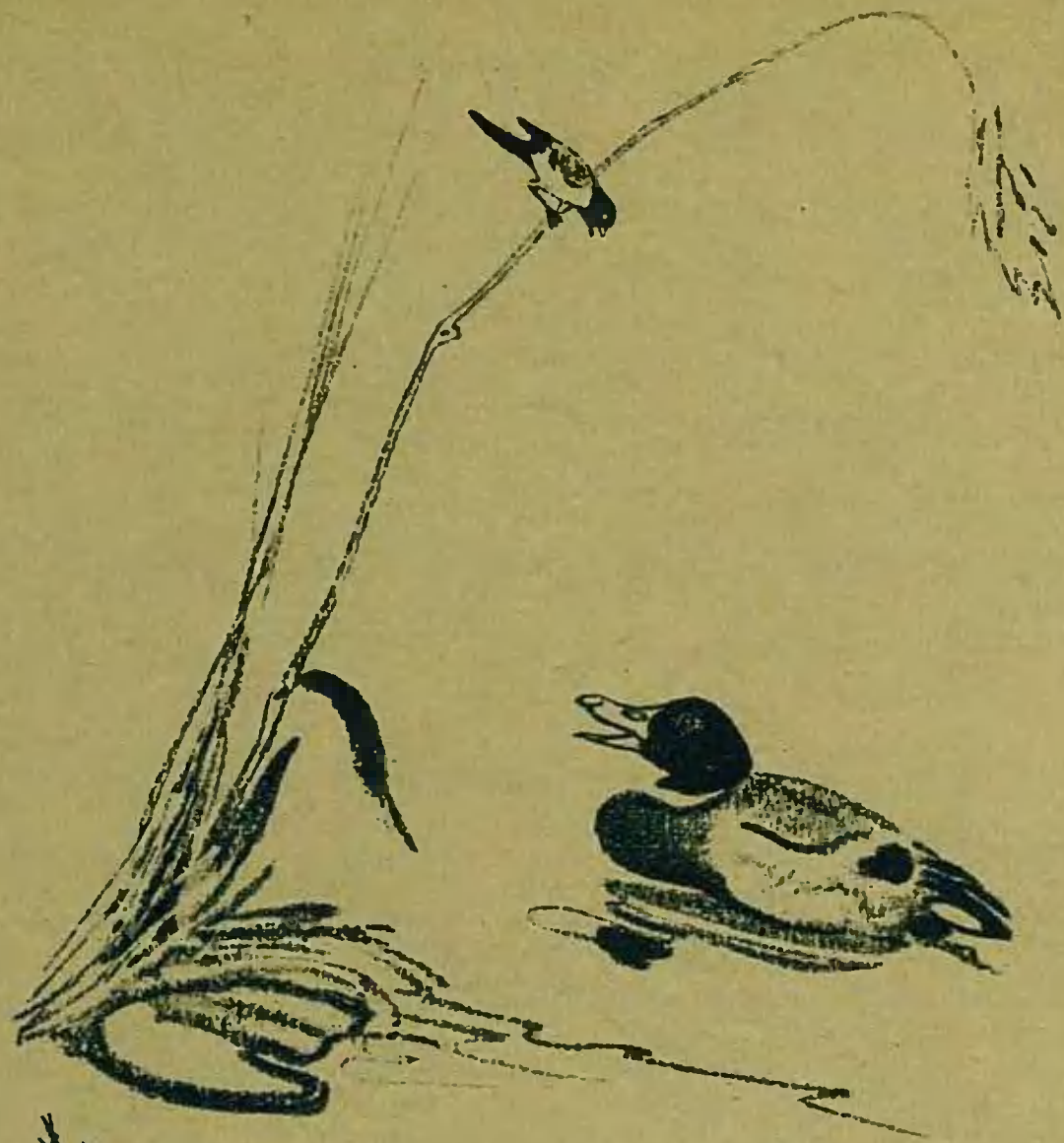
Тогда дятел, совсем как человек бы сделал, новую шишку зажал между грудью своей и деревом, освободил клюв и клювом быстро выбросил старую шишку. Потом новую поместил в свою мастерскую и заработал.

Такой он умный, всегда бодрый, оживлённый и деловой.

РАЗГОВОР
ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

РАЗГОВОР ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Занятна охота на лисиц с флагами. Обойдут лисицу, узнают её лёжку¹⁷ и по кустам на версту, на две вокруг спящей развешат верёвки с кумачёвыми флагами. Лисица очень боится цветных флагов и запаха кумача; спугнутая, ищет выхода из страшного круга. Выход ей оставляют, и около этого места под прикрытием ёлочки ждёт её охотник.

Такая охота с флагами много добычливей¹⁸, чем с гончими собаками. А эта зима была такая снежная, с таким рыхлым снегом, что собака тонула вся по уши, и гонять лисиц с собакой стало невозможно. Однажды, измучив себя и собаку, я сказал Михал Михалычу:

— Бросим собак, заведём флаги — ведь с флагами можно каждую лисицу убить.

— Как это — каждую? — спросил Михал Михалыч.

— Так, просто, — ответил я. — После пороши возьмём свежий след, обойдём, затащим круг флагами, и лисица наша.

— Это было в прежнее время, — сказал Михал Михалыч. — Бывало лисица трое суток сидит, не смеет выйти за флаги. Что лисица — волки сидели по двое суток! Теперь звери стали умнее, часто с гону прямо под флаги, и прощай.

— Я понимаю, — ответил я, — что звери матёрые, не раз уже бывшие в переделке, поумнели и уходят под флаги, но ведь таких сравнительно немного; большинство, особенно молодёжь, флагов и не видывали.

— Не видывали! Им и видеть не нужно. У них есть разговор.

— Какой такой разговор?

— Обыкновенный разговор. Бывает, ставишь капкан, зверь старый, умный побывает возле, не понравится ему и отойдёт. А другие потом и далеко не подойдут. Ну вот, скажи, как же они узнают?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Михал Михалыч, — звери читают.

— Читают?

— Ну да, носом читают. Это можно и по собакам заметить. Известно, как они везде — на столбиках, на кучках, на кустиках — оставляют свои заметки, другие потом идут и всё разбирают. Так лисица, волк постоянно читают; у нас глаза, у них нос. Второе у зверей и птиц, я считаю, голос. Летит ворон и кричит; нам хоть бы что, а лисичка наострила ушки в кустах, спешит в поле. Ворон летит и кричит наверху, а внизу по крику ворона во весь дух мчится лисица. Ворон спускается на падаль, и лисица уж тут как тут. Да что лисица! А разве не случалось тебе о чём-нибудь догадываться по сорочьему крику?

Мне, конечно, как всякому охотнику, приходилось пользоваться чекотаньем сороки, но Михал Михалыч рассказал особенный случай. Раз у него на заячьем гону собаки потеряли заячий след. Заяц вдруг будто провалился сквозь землю. Тогда совсем в другой стороне зачекотала сорока. Охотник, крадучись, идёт к сороке, чтобы она его не заметила. А это было зимой, когда все зайцы уже побелели; только снег весь растаял, и белые на земле стали далеко заметны. Охотник глянул под дерево, на котором чекотала сорока, и видит: белый просто лежит на зелёном мошку, и глазёнки, чёрные, как две бобины, глядят...

Сорока выдала зайца, но она и человека выдает зайцу и всякому зверю, только бы кого ей первого заметить.

— А знаешь, — сказал Михал Михалыч, — есть маленькая жёлтая болотная овсянка. Когда выходишь в болото за утками, начинаешь тихонечко подкрадываться. Вдруг откуда ни возмись эта самая жёлтая птичка садится на тростинку впереди тебя, качается на ней и попискивает. Идёшь дальше, и она перелетает на другую тростинку и всё пищит и пищит. Это она даёт знать всему болотному населению; глядишь, там утки догадались о приближении охотника и улетели, а там журавли замахали крыльями, там стали вырываться бекасы. И всё это она, всё она. Так по-разному сказывают птицы, а звери больше читают следы.

Г А Е Ч К И

Мне попала соринка в глаз. Пока я её вынимал, в другой глаз ещё попала соринка.

Тогда я заметил, что ветер несёт на меня опилки и они тут же ложатся дорожкой в направлении ветра. Значит, в той стороне, откуда был ветер, кто-то работал над сухим деревом.

Я пошёл на ветер по этой белой дорожке опилок и ско-

ро увидел, что это две самые маленькие синицы, гайки — сизые, с чёрными полосками на белых пухленьких щёчках, — работали носами по сухому дереву и добывали себе насекомых в гнилой древесине. Работа шла так бойко, что птички на моих глазах всё глубже и глубже уходили в дерево. Я терпеливо смотрел на них в бинокль, пока наконец от одной гаечки на виду остался лишь хвостик. Тогда я тихонечко зашёл с другой стороны, подкрался и то место, где торчит хвостик, покрыл ладонью. Птичка в дупле не сделала ни одного движения и сразу как будто умерла. Я принял ладонь, потрогал пальцем хвостик — лежит, не шевелится; погладил пальцем вдоль спинки — лежит, как убитая. А другая гаечка сидела на ветке в двух-трёх шагах и попискивала. Можно было догадаться, что она убеждала подругу лежать как можно смирнее. «Ты, — говорила она, — лежи и молчи, а я буду около него пищать; он погонится за мной, я полечу, и ты тогда не зевай».

Я не стал мучить птичку, отошёл в сторону и наблюдал, что будет дальше. Мне пришлось стоять довольно долго, потому что свободная гайка видела меня и предупреждала пленную:

— Лучше полежи немного, а то он тут, недалеко, стоит и смотрит...

Так я очень долго стоял, пока наконец свободная гайка не пропищала совсем особенным голосом, как я догадываюсь:

— Вылезай, ничего не поделаешь: стоит.

Хвост исчез. Показалась головка с чёрной полоской на щеке. Пискнула:

— Где же он?

— Вон стоит, — пискнула другая. — Видишь?

— А, вижу! — пискнула пленница.

И выпорхнула. Они отлетели всего несколько шагов и, наверно, успели шепнуть друг другу:

— Давай посмотрим, может быть он и ушёл.

Сели на верхнюю ветку. Всмотрелись.

— Стоит, — сказала одна.

— Стоит, — сказала другая.

И улетели.

ВЫСКОЧКА

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и назвали мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем. Уйдёшь на охоту, и будь уверен: Вьюшка не пустит постороннего.

Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки, как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок. Достались ей от обеда две косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что в природе на кости есть много охотников. С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-мураву и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда откуда ни возьмись сороки: скок, скок! — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной — хватать! — другая сорока с другой стороны хватать! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и недолго думая собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода. То же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком. Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Выскочка поскакала неизвестно куда.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

— Скачи назад, скачи, как надо, как всему сорочьему обществу надо!

— Тра-ля-ля-ля-ля! — ответила Выскочка.

Это у неё значило:

— Скачите, как надо, а я — как мне самой хочется.

Так за свой страх и риск Выскочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросит ся на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость уне сёт.

Вьюшка, однако, замысел Выскочки хорошо поняла и не только не бросилась на неё, но, заметив Выскочку ко- сым глазом, освободила кость и поглядела в противопо- ложную сторону, где правильным полукругом, как бы не- хотя — скок и подумают — наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Выскочка улучила для своего нападения. Она схватила кость и даже успела повернуться в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы- муравы.

И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост, и кость выпала.

Выскачка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая пёстрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Ничего сорочьего не остаётся тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Выскачка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанью, по всей суете, что нет в сорочьем быту большего сраму, как лишиться сороке хвоста.

ДЕРГАЧ И ПЕРЕПЁЛКА

В середине лета и соловей и кукушка перестают петь, но почему-то ещё долго, пока не скосят траву и рожь, кричат дергач и перепёлка. В это время, когда всё смолкает в природе от больших забот по выращиванию малышей, выйдите за город после вечерней зари, и вы непременно услышите, как дергач кричит, вроде как бы телушку зовёт изо всей мочи:

— Тпрусь, тпрусь!

И вслед за тем перепёлка очень торопливо и отрывисто, похоже на слова:

— Вот идёт! Вот ведёт!

Раз я спросил бабушку, как это она понимает, почему дергач кричит «тпрусь», а перепёлка — «вот идёт, вот ведёт». Старушка рассказала про это сказочку:

— Дергач сватался весной к перепёлке и обещался ей телушку привести. Наговорил ей, как они хорошо будут жить с коровушкой, молочко попивать и сметанку лизать. Обрадовалась перепёлка и согласилась радостно жить с дергачом, обласкала его, угостила всеми своими зёрнышками. А дергачу только этого и надо было, чтобы посмеяться над перепёлкой. Ну какая же, правда, у дергача может быть корова? Одно слово — дергач, голоногий насмешник. Вот когда смеркается и перепёлке ничего не видно на лугу, дергач сядет под кустик и зовёт нарочно корову:

— Тпрусь, тпрусь!

А перепёлка дождалась — рада; думает, дергач и вправду корову ведёт. Хозяйственная она, перепёлка, — радость радостью, а забота само собой одолевает: нет у неё хлева, куда девать ей корову?

— Тпрусь, тпрусь! — кричит дергач.

А перепёлка беспокоится:

— Вот идёт!

- Вот ведёт!
- Хлева нет!
- Негде деть!

Так всю ночь дразнит и беспокоит дергач перепёлку, от вечерней зари до утренней...

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

Однажды стадо драгоценных диких пятнистых оленей, продвигаясь к морю, пришло на узенький мыс. Мы протянули за ними поперёк всего мыса проволочную сетку и преградили им путь в тайгу. У оленей для питания много было и травы и кустарника, нам оставалось только охранять дорогих гостей наших от хищников — леопардов, волков и даже от орлов.

Однажды я с высоты Туманной горы стал разглядывать скалу внизу.

Я скоро заметил, что у самого моря, на высокой скале, покрытой любимой оленями травой, паслась самка оленя и возле неё в тени лежал какой-то жёлтенький кружок. Разглядывая в хороший бинокль, я скоро уверился, что кружком в тени лежал молоденький оленёнок. Вдруг там, где прибор швыряет свои белые фонтаны, стараясь как будто попасть ими в недоступные ему тёмнозелёные сосны, поднялся большой орёл, взвился высоко, выглядел оленёнка

и бросился. Но мать услышала шум падающей громадной птицы, быстро схватилась и встретила: она встала на задние ноги против детёныша и передними копытцами старалась попасть в орла, и он, обозлённый неожиданным препятствием, стал наступать, пока одно острое копытце не попало в него. Смятый орёл с трудом оправился в воздухе и полетел обратно в сосны, где у него было гнездо.

Мы вскоре после этого разорили гнездо хищника, а красивые скалы называли Орлиным гнездом.

БАРС

В нашем питомнике пятнистых оленей на Дальнем Востоке одно время поселился барс и начал за ними охотиться. Китаец Лувен сказал:

— Олень-цветок и барс — это нельзя вместе!

И мы начали ежедневно искать встречи с барсом, чтобы застрелить его. Однажды наверху Туманной горы барс скрылся от меня под камнем. Я сделал далёкий обход по хребту, узнал замеченный камень, очень осторожно подкрался, но страшного барса под этим камнем уже не было.

Я обошёл ещё всё это место кругом и сел отдохнуть. На досуге стал я разглядывать одну запылённую плиту горного сланца и ясно увидел на пыли отпечаток мягкой лапы красивого зверя.

Много раз я глядел по разным направлениям, и сомнений у меня не оставалось никаких: барс проходил по этой плите. Конечно, мне хорошо было известно, что тигры и барсы ходят часто по хребтам и высматривают оттуда свою добычу. И в этом следу не было ничего особенного.

Посмотрел я на след и пошёл дальше.

Через некоторое время, поискав ещё барса, я случайно пришёл на то же самое место, опять сел возле той же самой плиты и опять стал разглядывать след. И вдруг я заметил рядом с отпечатком барсовой лапы другой, ещё более отчётливый. Мало того: на этом следу, приглядываясь против солнца, я увидел — торчали две иголки, и я узнал в них шерстки от барсовой лапы. Солнце за время моего обхода, конечно, стало немного под другим углом посылать свои лучи на плиту, и я мог тогда, в первый раз, легко пропустить второй след барса, но шерстинок я не мог пропустить. Значит, шерсть явилась во время моего второго обхода. Это было согласно с тем, что приходилось слышать о повадках тигра и барса; это их постоянный приём — заходить в спину преследующего их человека.

Теперь нечего было терять время. Быстро я спустился

к Лувену, рассказал ему всё, и мы с ним вместе пришли на хребет, где барс крался за мной. Там обошли мы с ним вместе, разглядывая каждый камень, ещё раз дважды мной пройденный круг.

Против плиты, чтобы скрыть свой след, при помощи длинной палки я прыгнул вниз, ещё раз прыгнул, до первого кустика, и там притаился и утвердил хорошо на камнях дуло своей винтовки и локти. Лувен продолжал свой путь по тому же самому кругу...

Не много пришлось мне ждать. На голубом фоне неба я увидел чёрный облик ползущего зверя. Громадная кошка ползла за Лувеном, не подозревая, что я на неё смотрю через прорезь винтовки. Лувен, конечно, если бы даже и глядел назад, ничего бы не мог заметить, разве только глаза.

Когда барс подполз к плите, встал на неё, приподнялся, чтобы поверх большого камня посмотреть на Лувена, я приготовился. Кажалось, барс, увидев одного человека вместо двух, растерялся, как бы спрашивая окрестности: «Где же другой?» И когда, всё кругом расспросив, он подозрительно посмотрел на мой куст, я нажал спуск.

Какой прекрасный ковёр мы добыли! Зверь этот ведь у нас на Дальнем Востоке совсем неверно называется почему-то барсом и даже мало похож на кавказского барса: этот зверь есть леопард, ближайший родственник тигра, и шкура его необыкновенно красива.

— Хорошо, хорошо! — радостно говорил Лувен; оглаживая роскошный ковёр. — Олень-цветок и барс — это вместе нельзя жить.

РОЖДЕНИЕ КАСТРЮЛЬКИ

Мы были в питомнике пятнистых оленей на Дальнем Востоке. Эти олени так красивы, что по-китайски называются «олень-цветок». Каждый олень имеет свою кличку. Пискунья и Манька со своими оленятами совершенно ручные оленухи, но, конечно, из оленух всех добрее Кастрюлька. С этой Кастрюлькой может такое случиться, что придёт под окошко и, если вы не обращаете на неё внимания, положит голову на подоконник и будет дожидаться ласки. Очень любит, если её почешут между ушами. А между тем она вышла не от домашних, а от диких оленей.

Кастрюлька оттого, оказывается, особенно ласковая, что взята от своей дикой матери в тайге в первый же день своего рождения. Если бы удалось поймать её только на второй день, то она далеко не была бы такая добрая. А взятый на третий день оленёнок и дальше навсегда останется буковатым.

Олени начинают телиться в мае, а кончают в июне. Было это в первой половине июня. Сергей Фёдорович взял

свою Тайгу, немецкую овчарку, приученную к охоте на оленей, и отправился в горы. Разглядывая в бинокль горы, долины, ручьи, он нашёл в одной долине жёлтое пятно и понял в нём оленей. После того, пользуясь ветром в ущельях, долго подкрадывался к ним, и они не чуяли и не слышали его приближения. Подкрался он к ним из-под горы совсем близко и, наблюдая в бинокль одну оленуху, заметил, что она отбилась от стада и скрылась в кустах, где бежит горный ручей. Сергей Фёдорович сделал предположение, что оленуха скоро в кустах должна отелиться.

Так оно и было.

Оленуха вошла в густые дубовые заросли и родила жёлтого телёночка с белыми, отчётливыми на рыжем пятнами, совершенно похожими на пятна солнечных лучей — «зайчики». Телёнок сначала не мог подняться, и она сама легла к нему, стараясь подвинуть к его губам вымя. Тронул телёнок вымя губами, попробовал сосать. Она встала, и он стоя начал сосать, но был ещё очень слаб и опять лёг. Она опять легла к нему и опять подвинула вымя. Попив молочка, он поднялся, стал твёрдо, но тут послышался шум в кустах, и ветер донёс запах собаки. Приближалась Тайга...

Мать поняла, что надо бежать, и свистнула. Но он ещё не понимал или был слаб. Она попробовала подтолкнуть его в спину губами. Он покачнулся. Она решила обмануть собаку, чтобы та за ней погналась, а телёнка уложить и спрятать в траве. Так он и замер в траве, весь осыпанный

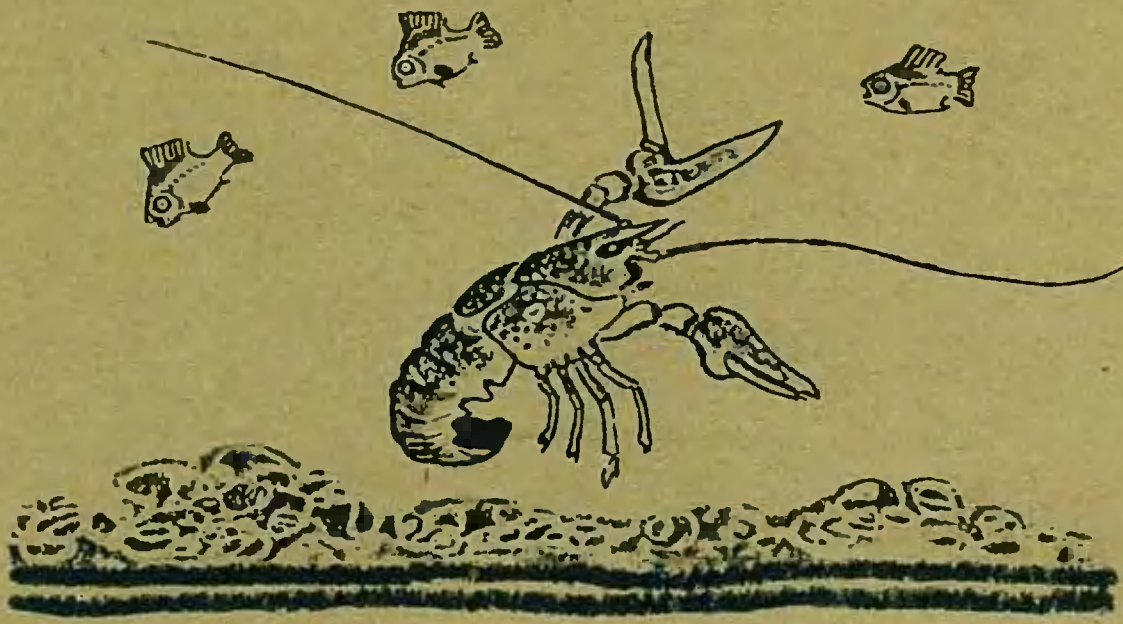

и солнечными и своими «зайчиками». Мать отбежала в сторону, встала на камень, увидела Тайгу. Чтобы обратить на себя внимание, она громко свистнула, топнула ногой и бросилась бежать. Не чувствуя, однако, за собой погони, она опять остановилась на высоком месте и разглядела, что Тайга и не думает за ней бежать, а всё ближе и ближе подбирается к корню дерева, возле которого свернулся её оленёнок. Не помогли ни свист, ни топанье. Тайга всё ближе и ближе подходила к кусту. Быть может, оленуха-мать пошла бы выручать своё дитя, но тут рядом с Тайгой показался Сергей Фёдорович, и она опрометью¹⁹ бросилась в далёкие горы.

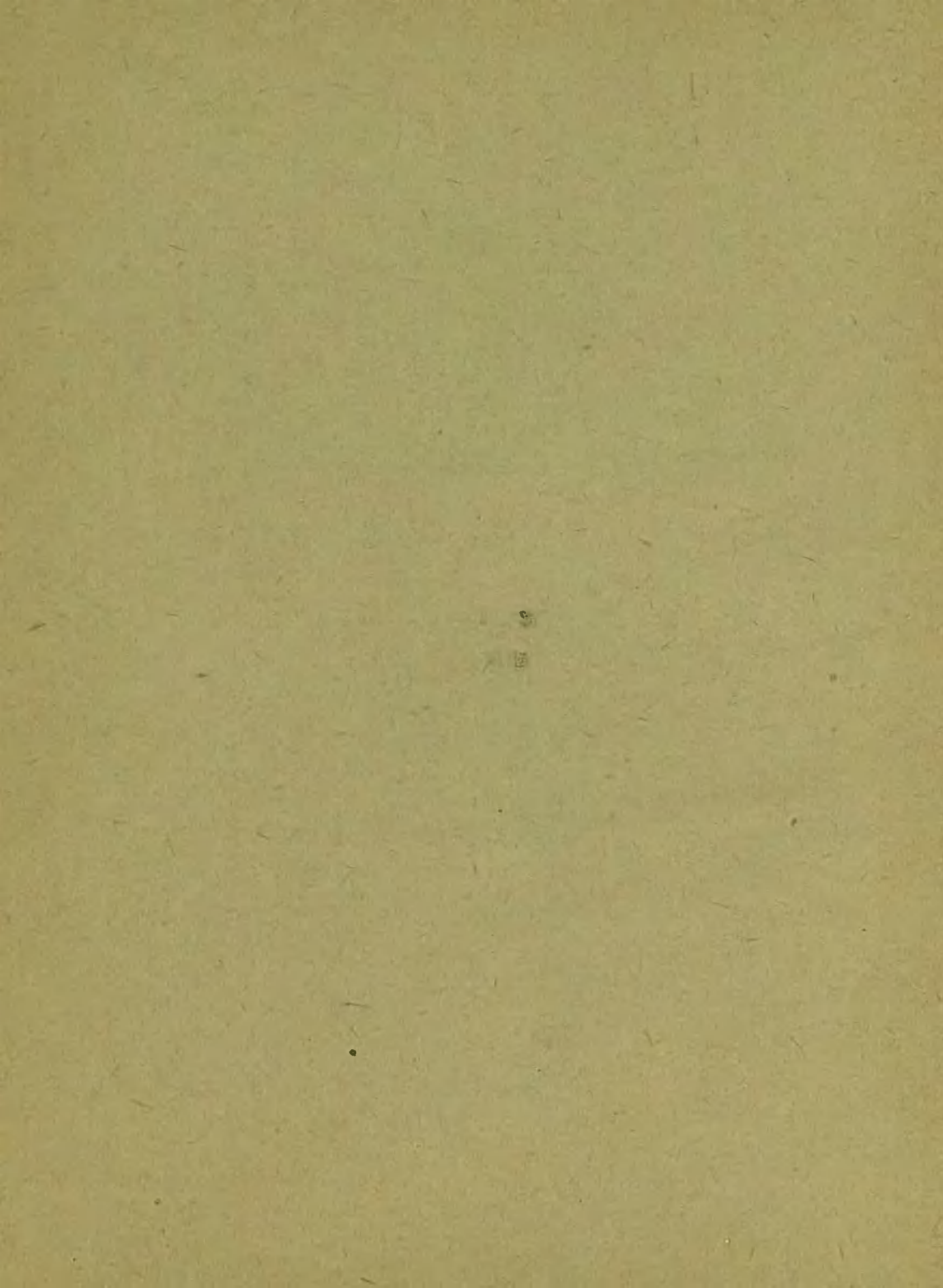
За Тайгой пришёл Сергей Фёдорович. И вот только что чёрненькие глазки блестят и только что тельце тёпленькое, а то бы и на руки взять, и всё равно сочтёшь за неживое: до того притворяются каменными.

Обыкновенно таких пойманных телят приучают пить молоко коровье из бутылки: сунут в рот горлышко и булькают, а там хочешь — глотай, хочешь — нет, всё равно есть захочется, рано или поздно глотнёшь. Но эта оленушка, к удивлению всех, начала пить прямо из кастрюльки. Вот за это сама была названа Кастрюлькой.

Ухаживать за этим телёнком Сергей Фёдорович назначил свою дочку Люсю, и она её всё поила, поила из той самой кастрюльки, а потом стала давать веники из прутьев молодого кустарника. И так её выходила.

О ЧЕМ
ШЕПЧУТСЯ
РАКИ

О ЧЁМ ШЕПЧУТСЯ РАКИ

дивляюсь на раков — до чего много, кажется, напутано у них лишнего: сколько ног, какие усы, какие клешни, и ходит хвостом наперёд, и хвост называется шейкой. Но всего более дивило меня в детстве, что когда раков соберут в ведро, то они между собой начинают шептаться. Вот шепчутся, вот шепчутся, а о чём, не поймёшь.

И когда скажут: «Раки перешептались», это значит — они умерли и вся их рачья жизнь в шопот ушла.

В нашей речке Вертушинке раньше, в моё время, раков было больше, чем рыбы. И вот однажды бабушка Домна Ивановна с внучкой своей Зиночкой собрались к нам на Вертушинку за раками. Бабушка с внучкой пришли к нам вечером, отдохнули немного — и на реку. Там они расставили свои рачьи сеточки. Эти рачьи сачки у нас все делают сами: загибается ивовый прутик кружком, кружок обтягивается сеткой от старого невода, на сетку кладётся кусочек мяса или чего-нибудь, а лучше всего кусочек жареной и духовитой для раков лягушки. Сеточки опускают на дно. Учувяв запах жареной лягушки, раки вылезают из береговых печур, ползут на сетки. Время от времени вытаскивают сачки за верёвки кверху, снимают раков и опять опускают.

Простая эта штука. Всю ночь бабушка с внучкой вытаскивали раков, наловили целую большую корзину и утром собрались назад, за десять вёрст к себе в деревню. Солнышко вошло, бабушка с внучкой идут, распарились, разморились.

Им уж теперь не до раков, только бы добраться домой.

— Не перешептались бы раки, — сказала бабушка.

Зиночка прислушалась.

Раки в корзинке шептались за спиной бабушки.

— О чём они шепчутся? — спросила Зиночка.

— Перед смертью, внученька, друг с другом прощаются.

А раки в это время совсем не шептались. Они только тёрлись друг о друга шершавыми бочками, клешнями, усиками, шейками, и от этого людям казалось, будто от них шопот идёт. Не умирать раки собирались, а жить хотели. Каждый рак все свои ножки пускал в дело, чтобы хоть где-нибудь найти дырочку, и дырочка нашлась в корзинке, как раз чтобы самому крупному раку пролезть. Один рак вылез крупный, за ним более мелкие шутя выбрались, и пошло, и пошло: из корзинки — на бабушкину кацавейку, с кацавейки — на юбку, с юбки — на дорожку, с дорожки — в траву, а из травы — рукой подать речка.

Солнце палит и палит. Бабушка с внучкой идут и идут, а раки ползут и ползут. Вот подходят Домна Ивановна с Зиночкой к деревне. Вдруг бабушка остановилась, слушает, что в корзинке у раков делается, и ничего не слышит. А что корзинка-то лёгкая стала, ей и невдомёк: не спавши ночь, до того уходилась ²⁰ старуха, что и плеч не чувствует.

— Раки-то, внученька, — сказала бабушка, — должно быть, перешептались.

— Померли? — спросила девочка.

— Уснули, — ответила бабушка, — не шепчутся больше.

Пришли к избе, сняла бабушка корзинку, подняла тряпку:

— Батюшки родимые, да где же раки-то?

Зиночка заглянула — корзина пустая.

Поглядела бабушка на внучку — и только руками развела.

— Вот они, раки-то, — сказала она, — шептались! Я думала — они это друг с другом перед смертью, а они это с нами, дураками, прощались.

МЕДВЕДЬ

Многие думают, будто пойти только в лес, где много медведей, и так они вот и набросятся, и съедят тебя, и останутся от козлика ножки да рожки. Такая это неправда!

Медведи, как и всякий зверь, ходят по лесу с великой осторожностью и, зачувяв человека, так удирают от него, что не только всего зверя, а не увидишь даже и мелькнувшего хвостика.

Однажды на севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу. Убивать медведя мне вовсе не хотелось, и охотиться за ним было не время: охотятся зимой, я же

пришёл на Коду ранней весной, когда медведи уже вышли из берлог.

Мне очень хотелось застать медведя за едой, где-нибудь на полянке, или на рыбной ловле на берегу реки, или на отдыхе. Имея на всякий случай оружие, я старался ходить по лесу так же осторожно, как звери, затаивался возле тёплых следов; не раз мне казалось, будто мне даже и пахло медведем... Но самого медведя, сколько я ни ходил, встретить мне в тот раз так и не удалось.

Наконец терпение моё кончилось, и время пришло мне уезжать. Я направился к тому месту, где была у меня спрятана лодка и продовольствие. Вдруг вижу: большая еловая лапка передо мной дрогнула и закачалась сама.

«Зверушка какая-нибудь», подумал я.

Забрав свои мешки, сел я в лодку и поплыл.

А как раз против места, где я сел в лодку, на том берегу, очень крутом и высоком, в маленькой избушке жил один промысловый охотник. Через какой-нибудь час или два этот охотник поехал на своей лодке вниз по Коде, нагнал меня и застал в той избушке на полпути, где все останавливаются.

Он-то вот и рассказал мне, что со своего берега видел медведя, как он вымахнул из тайги как раз против того места, откуда я вышел к своей лодке. Тут-то вот я и вспомнил, как при полном безветрии закачались впереди меня еловые лапки.

Досадно мне стало на себя, что я испугал медведя. Но охотник мне ещё рассказал, что медведь не только ускользнул от моего глаза, но ещё и надо мной посмеялся... Он, оказывается, очень недалеко от меня отбежал, спрятался за выворотень²¹ и оттуда, стоя на задних лапах, наблюдал меня: и как я вышел из леса и как сел в лодку и поплыл. А после, когда я для него скрылся, взлез на дерево и долго следил за мной, как я спускаюсь по Коде.

— Так долго, — сказал охотник, — что мне надоело смотреть и я ушёл чай пить в избушку.

Досадно мне было, что медведь надо мной посмеялся. Но ещё досадней бывает, когда болтуны разные пугают детей лесными зверями и так представляют их, что покажись будто бы только в лес без оружия — и они оставят от тебя только рожки да ножки.

ТАИЩТВЕННЫЙ ЯЩИК

В Сибири, в местности, где водится очень много волков, я спросил одного охотника, имеющего большую награду за партизанскую войну:

— Бывают ли у вас случаи, чтобы волки нападали на человека?

— Бывают, — ответил он. — Да что из этого? У человека оружие, человек — сила, а что волк! Собака, и больше ничего.

— Однако, если эта собака да на безоружного человека...

— И то ничего, — засмеялся партизан. — У человека самое сильное оружие — ум, находчивость и в особенности такая оборотливость²², чтобы из всякой вещи сделать себе оружие. Раз было, один охотник простой ящик превратил в оружие.

Партизан рассказал случай из очень опасной охоты на волков с помощью поросёнка. Лунной ночью сели в сани четыре охотника и захватили с собой ящик с поросёнком. Ящик был большой, сшитый из полутёса. В этот ящик без крышки посадили поросёнка и поехали в степь, где волков великое множество. А было это зимой, когда волки голодные. Вот охотники выехали в поле и начали поросёнка тянуть кто за ухо, кто за ногу, кто за хвост. Поросёнок от этого стал визжать: больше тянут — больше визжит, и всё звонче и звонче, и на всю степь. Со всех сторон на этот поросёный визг стали собираться волчьи стаи и настигать охотничьи сани. Когда волки приблизились, вдруг лошадь их почуяла — и как пустится! Так и полетел из саней ящик с поросёнком, и, самое скверное, вывалился один охотник без ружья и даже без шапки.

Часть волков умчалась за взбешённой лошадей, другая

же часть набросилась на поросёнка, и в один миг от него ничего не осталось. Когда же эти волки, закусив поросёнком, захотели приступить к безоружному человеку, вдруг глядят, а человек этот исчез и на дороге только ящик один лежит вверх дном. Вот пришли волки к ящику и видят: ящик-то не простой — ящик движется с дороги к обочине и с обочины в глубокий снег. Пошли волки осторожно за ящиком, и как только этот ящик попал на глубокий снег, на глазах волков он стал снижаться.

Волки оробели, но, постояв, оправились и со всех сторон ящик окружили. Стоят волки и думают, а ящик всё ниже да ниже. Ближе волки подходят, а ящик не дремлет: ниже да ниже. Думают волки: «Что за диво? Так будем дожидаться — ящик и вовсе под снег уйдёт».

Старший волк осмелился, подошёл к ящику, приставил нос свой к щёлке...

И только он свой волчий нос приставил к этой щёлке, как дунет на него из щёлки! Сразу все волки бросились в сторону, какой куда попал, и тут же вскоре охотники вернулись на помощь, и человек живой и здоровый вышел из ящика.

— Вот и всё, — сказал партизан. — А вы говорите, что безоружному нельзя против волков выходить. На то и ум у человека, чтобы он из всего мог себе делать защиту.

— Позволь, — сказал я, — ты мне сейчас сказал, что человек из-под ящика чем-то дунул.

— Чем дунул? — засмеялся партизан. — А словом своим человеческим дунул, и они разбежались.

— Какое же это слово такое он знал против волков?

— Обыкновенное слово, — сказал партизан. — Какие слова говорят в таких случаях: «Дураки вы, волки», сказал, — и больше ничего.

БЕЛКА

При первом рассвете выходим по одному в разные стороны в ельник за белками. Небо тяжелое и такое низкое, что, кажется, вот только на ёлках и держится. Многие зелёные верхушки совсем рыжие от множества шишек, а если урожай их велик, значит и белок много.

В той группе елей, куда я смотрю, есть такие, что вот как будто кто их гребешком расчесал сверху донизу; а есть кудрявые, есть молодые со смолкой, а то старые с серо-зелёными бородками: это лишайники. Одно старое дерево снизу почти умерло, и на каждой веточке висит

длинная серо-зелёная борода, но на вершине шишек можно собрать целый амбар. Вот одна веточка на нём дрогнула. Белка, однако, заметила меня и замерла. Старое дерево, под которым мне пришлось дожидаться, с одной стороны внизу обгорелое и стоит в широкой круглой яме, как в блюде. Я раскопал прелые листья, напáдавшие в блюдо с соседних берёз, и открылась чёрная, покрытая пеплом земля. Вот теперь, увидев пепел, о многом я догадался. Прошлый год в этом лесу охотник шёл зимой по следу куницы. Вероятно, она шла вёрхом, прыгая с дерева на дерево, оставляя на снежных ветках следы, роняя посорку. Преследование дорогого зверька увлекло; сумерки застали охотника в лесу; пришлось ночевать. Под тем деревом, где я теперь стою, жил огромный муравейник — быть может, самое большое муравьиное государство в этом лесу. Охотник очистил его от снега, поджёг; всё государство сгорело, и остался горячий пепел. Человек улёгся на тёплое место, закрылся курткой, поверх завалил себя пеплом, уснул, а на рассвете дальше пошёл за куницей. Весной в то блюдо, где был муравейник, налилась вода. Осенью листья соседних берёз завалили его, сверху белка насыпала много шелухи от шишек, и вот теперь я пришёл за пушниной.

Мне очень захотелось использовать время ожидания белки и написать себе что-нибудь в книжечку об этом муравейнике. Совершенно тихо, очень медленным движением

руки я вынимаю из сумки книжку и карандаш. Пишу я, что муравейник этот был огромным государством, как в нашем человеческом мире Китай. И только написалось «Китай», прямо как раз в книжку падает сверху шелушка от шишки. Догадываюсь, что наверху, как раз надо мной, сидит белка с еловой шишкой. Она затаилась, когда я пришёл, но теперь её мучит любопытство: живой я или совсем остановился, как дерево, и ей уже не опасен? Быть может, даже она нарочно, для пробы, пустила на меня шелушку, подождала немного и другую пустила, и третью. Её мучит любопытство, она больше теперь, пока не выяснит, никуда не уйдёт.

Я продолжаю писать о великом государстве муравьёв, созданном великим муравьиным трудом: что вот пришёл великан и, чтобы переночевать, разорил всё государство. В это время белка бросила целую шишку и чуть не выбила у меня книжку из рук. Уголком глаза я вижу, как она осторожно спускается с сучка на сучок, ближе, ближе и вот прямо из-за спины поверх плеча моего смотрит, дурочка, в мои строки о великане.

Вот раз тоже было — я выстрелил по белке, и сразу с трёх соседних елей упало по шишке. Нетрудно было догадаться, что на каждой из этих елей сидело по белке, и когда я выстрелил, все выпустили из лапок своих по шишке и тем себя выдали. Так мы в подмосковной тайге ходим за белками в ноябре до одиннадцати дня и от двух

до вечера: в эти часы белки шелушат шишки на ёлках, качают веточки, роняют посорку, в поисках лучшей пищи перебегают от дерева к дереву. С одиннадцати до двух мы не ходим: в это время белка сидит на сучке в большой густоте и умывается лапками.

ЖАРКИЙ ЧАС

В полях тает, а в лесу ещё снег лежит нетронутый плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволики пригнулись к земле, примерзли и ждут с часу на час освобождения. Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришёл жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине как будто сама собой шевельнется еловая веточка и закачается. А как раз под этой ёлкой, прикрытый её широкими ветками, спит заяц. В страхе он встаёт и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться...

Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья ветка шевельнулась и, освобождённая от снега, подпрыгнула.

Заяц метнулся, побежал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда ему бежать?

И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая берёза, как махнёт рядом ветка ёлки!

И пошло, и пошло: везде прыгают ветки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошёл.

И мечется обезумевший заяц, и встаёт всякий зверь, и птица улетает из леса.

ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Недолго пришлось нам дожидаться разлива. В одну ночь после сильного, очень тёплого дождя воды прибавилось сразу на метр, и отчего-то невидимый ранее город Кострома с белыми зданиями показался так отчётливо, будто раньше он был под водой и только теперь из-под неё вышел на свет. Тоже и горный берег Волги, раньше терявшийся в снежной белизне, теперь возвышался над водой, жёлтый от глины и песка. Несколько деревень на холмиках

были кругом обойдены водой и торчали, как муравейники.

На великом разливе Волги там и тут виднелись копеечки незалитой земли, иногда голые, иногда с кустарником, иногда с высокими деревьями. Почти ко всем этим копеечкам жались утки разных пород, и на одной косе длинным рядом, один к одному, гляделись в воду гуси-гуменники. Там, где земля была совсем затоплена и от бывшего леса торчали только вершинки, как частая шерсть, всюду эти шерстинки покрывались разными зверьками. Зверьки иногда сидели на ветках так густо, что обыкновенная какая-нибудь веточка ивы становилась похожа на гроздь чёрного крупного винограда.

Водяная крыса плыла к нам, наверно, очень издалека и, усталая, прислонилась к ольховой веточке. Лёгкое волнение воды пыталось оторвать крысу от её пристани. Тогда она поднялась немного по стволу, села на развилочку.

Тут она прочно устроилась: вода не доставала её. Только изредка большая волна, «девятый вал», касалась её хвоста, и от этих прикосновений в воде рождались и уплывали кружочки.

А на довольно-таки большом дереве, стоящем, наверно, под водой на высоком пригорке, сидела жадная, голодная ворона и выскивала себе добычу. Невозможно бы ей было углядеть в развилочке водяную крысу, но

на волне от соприкосновения с хвостом плыли кружочки, и вот эти-то кружочки и выдали вороне местопребывание крысы. Тут началась война не на живот, а на смерть.

Несколько раз от ударов клюва вороны крыса падала в воду, и опять взбиралась на свою развилочку, и опять падала. И вот совсем было уже удалось вороне схватить свою жертву, но крыса не желала стать жертвой вороны.

Собрав последние силы, так ущипнула ворону, что из неё пух полетел, и так сильно, будто её дробью хватили. Ворона даже чуть не упала в воду и только с трудом справилась, ошалелая²³ села на своё дерево и стала усердно оправлять свои перья, по-своему залечивать раны. Время от времени от боли своей, вспоминая о крысе, она оглядывалась на неё с таким видом, словно сама себя спрашивала: «Что это за крыса такая? Будто так никогда со мной и не бывало!»

Между тем водяная крыса после счастливого своего удара вовсе даже и забыла думать о вороне. Она стала навастривать бисерок своих глазок на желанный наш берег.

Срезав себе веточку, она взяла её передними лапками, как руками, и зубами стала грызть, а руками повёртывать. Так она обглодала дочиста всю веточку и бросила её в воду. Новую же срезанную веточку она не стала глотать, а прямо с ней спустилась вниз и поплыла и потащила веточку на буксире. Всё это видела, конечно, хищная

13

ворона и провожала храбрую крысу до самого нашего берега.

Однажды мы сидели у берега и наблюдали, как из воды выходили землеройки, полёвки, водяные крысы, и норки, и заюшки, и горностаюшки, и белки тоже сразу большой массой приплыли и все до одной держали хвостики вверх.

Каждую зверушку мы, как хозяйева острова, встречали, принимали с родственным вниманием и, поглядев, пропускали бежать в то место, где полагается жить её породе. Но напрасно мы думали, что знаем всех наших гостей. Новое знакомство началось словами Зиночки.

— Поглядите, — сказала она, — что же это делается с нашими утками!

Эти наши утки выведены от диких, и мы возили их для охоты: утки кричат и подманивают диких селезней на выстрел.

Глянули на этих уток и видим, что они отчего-то стали много темнее и, главное, много толще.

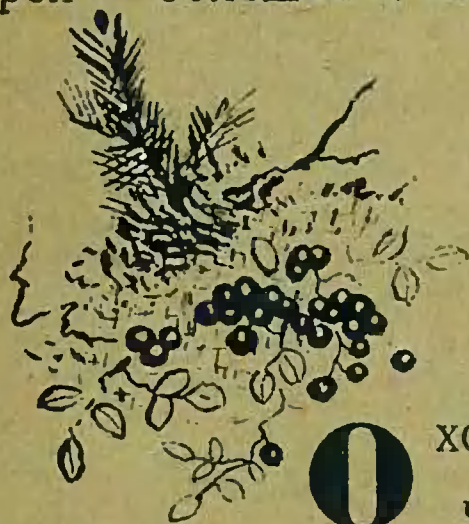
— Отчего это? — стали мы гадать, додумываться.

И пошли за ответом на загадку к самим уткам. Тогда оказалось, что для бесчисленного множества плывущих по воде в поисках спасения паучков, букашек и всяких насекомых наши утки были двумя островами, желанной сушей.

Они взбирались на плавающих уток в полной уверенности, что наконец-то достигли надёжного пристанища

и опасное странствование их по водам кончено. И так их было много, что утки наши толстели и толстели заметно у нас на глазах.

Так наш берег стал островом спасения для всех зверей — больших и маленьких.

КЛЮКВА

Охотник Кирсан умел так рассказывать, что поначалу кажется, будто это у него всё правда, и только под самый конец поймёшь, правду он говорит или дурачит нас. Так вот он стал рассказывать нам однажды, какая это кислая ягода клюква.

— Кто же этого не знает, Кирсан Николаевич? — сказал ему на это кто-то из нас.

— Я не про это, — ответил Кирсан. — Кто же, правда, не знает, что ягода клюква кислая? На то ведь она и есть клюква! А вот однажды мне пришла в голову мысль, и летом я жену попросил, чтобы она и на мою долю клюквы побольше собрала в болоте. Прошло лето, и осень прошла; лёг снег. Негде стало кормиться тетеревам. Завалило ягоду в болоте снегом, занесло в поле зерно. Делать нечего, поднялись тетерева на берёзы и стали кормиться древесными почками. А после ягоды, после зерна какая же это

пища — берёзовая почка? Вот я подумал об этом и поставил под берёзами шалашик. Когда тетерева пригляделись к шалашику и перестали на него обращать внимание, забрался я рано поутру в него и на снегу раскидал клюкву. Вот прилетели тетерева, расселись по берёзам, клюют горькие почки, а внизу, видят, клюква красная на белом снегу. Один петух слетел, осторожно подходит. Что делать? Ружьё моё длинное — чуть шевельнёшься, догадается петух и сам улетит, и все улетят. Скажите, что бы вы на моём месте сделали?

— Что сделали? — сказал один охотник. — Я бы дал первому поклевать...

Другой охотник ещё что-то сказал, третий ещё, заспорили. А Кирсан всё сидел и молча улыбался.

— Ну, скажи, Кирсан Николаевич, — обратились мы наконец к самому хозяину, — расскажи, как же ты поступил.

— Я поступил просто, — ответил Кирсан. — Когда петух взял клюквину в рот, стало ему после берёзовых почек очень кисло; он от кислого зажмурился, и тут я в него из ружья.

Смеялись мы, но другой охотник, Камолов, сказал:

— На этот раз у тебя сорвалось, Кирсан Николаевич, не сумел ты соврать. Это сказка есть о трёх зайцах, что охотник им клюквы дал, они зажмурились, и он их связал, без ружья обошёлся. А ты с ружьём — эка невидаль!

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ СЛОВ

- ¹ По коровьей тропе — по тропе, которую проложили коровы, идя на водопой.
- ² Непробудным (непробудный) — крепким, глубоким.
- ³ Порядочных (порядочный) — здесь: больших.
- ⁴ Острогу (острога) — орудие для ловли рыбы в виде вил с зубьями.
- ⁵ От выводка (выводок) — здесь: от своих цыплят.
- ⁶ Взмыла (взмыть) — быстро и высоко взлетела.
- ⁷ Наутёк — в бегство.
- ⁸ Грачевник — мелкий хворост, из которого грачи вьют себе гнезда.
- ⁹ Не управились (управиться) — не успели.
- ¹⁰ Гомонили (гомонить) — шумели.
- ¹¹ Пороша — первый снег.
- ¹² Следопыт — охотник, выслеживающий зверя по следам.
- ¹³ Искусник — ловкий, умелый.
- ¹⁴ Оторопел (оторопеть) — растерялся от неожиданности.
- ¹⁵ Конфуза (конфуз) — неприятного, неловкого положения.
- ¹⁶ Опал (опасть) — здесь: изменился.
- ¹⁷ Лёжку (лёжка) — место, где лежит, скрывается зверь.
- ¹⁸ Добычливей (добычливая) — удачнее, выгоднее.
- ¹⁹ Опрометью — очень быстро.
- ²⁰ Уходилась (уходиться) — устала, утомилась.
- ²¹ Выворотень — вывороченный пень.
- ²² Оборотливость — ловкость и умение.
- ²³ Ошалелая — обессиленная, одуревшая.

СОДЕРЖАНИЕ

Лисичкин хлеб

✓ Лисичкин хлеб	5
✓ «Изобретатель»	7
✓ Ёж	13
✓ Золотой луг	16
✓ Курица на столбах	17
✓ Лученье рыбы	20
✓ Говорящий грач	21

Разговор птиц и зверей

Разговор птиц и зверей	51
✓ Гаечки	55
✓ Выскочка	57
✓ Дергач и перепёлка	60
✓ Орлиное гнездо	63
✓ Барс	64
✓ Рождение Кастрюльки	67

Ярик

Ярик	25
Ужасная встреча	32
Зверь бурундук	35
✓ Белый ожерёлок	38
Синий лапоть	39
Этажи леса	44
Дятел	48

О чём шепчутся раки

✓ О чём шепчутся раки	73
Медведь	76
Таинственный ящик	78
Белка	82
Жаркий час	85
Остров спасения	86
Клюква	91
Словарь трудных слов	93

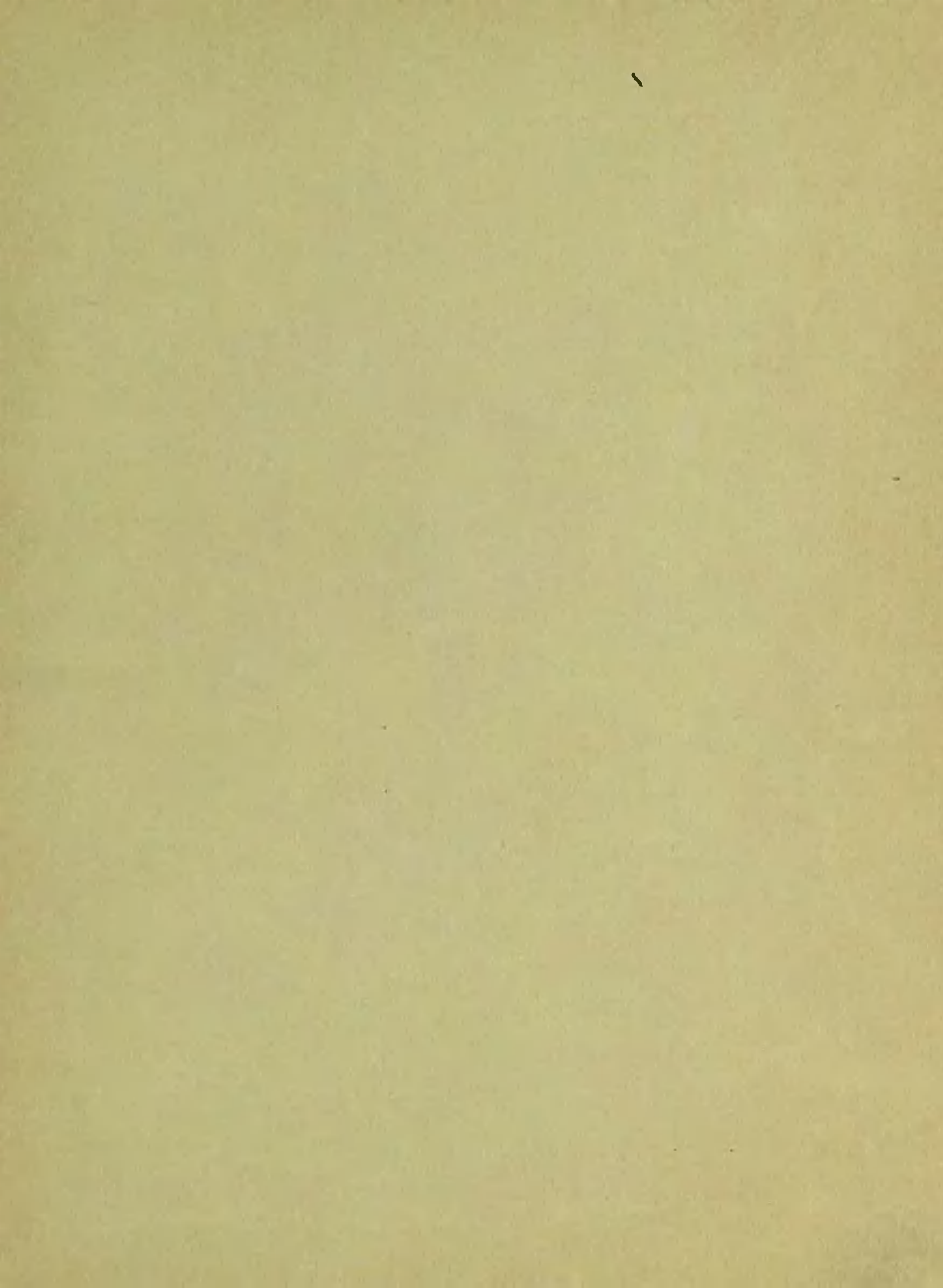
Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

Для семилетней школы

Ответственный редактор Г. Каримова,
Художественный редактор С. Алянский,
Технический редактор Н. Самохвалова,
Корректоры Ю. Носова и Е. Фирсова.

Сдано в набор 23/X 1948 г. Подписано к
печати 14/VI 1949 г. 6 п. л. (3,29 уч.-изд. л.).
22 464 зн. в п. л. Тираж 45 000 экз. А07351.
Заказ № 510.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушевский взл. 49.

~~2 руб.~~ 200 =

~~200.~~